

МАРИША

КРАМЕР

ОЛЬГА ПРЯНИКОВА

ПЕРЕПИШИ
СВОЮ СУДЬБУ

РЕТРО
ГРАДНЫЙ
МЕР
КУРИЙ

Закон сильной. Криминальное соло Марины Крамер

Марина Крамер

Ретроградный Меркурий

«ЭКСМО»

2021

Крамер М.

Ретроградный Меркурий / М. Крамер — «Эксмо»,
2021 — (Закон сильной. Криминальное соло Марины Крамер)

ISBN 978-5-04-118756-9

Любовь к неудачливому режиссеру Мите накрыла Катю с головой, она просто одержима ею. Девушка готова на все, чтобы завоевать сердце любимого. Она преследует мужчину, взрывает машины, следит за ним. Вот только такой напор сильно напугал Митю. Бедняга-режиссер просто запутался в своих женщинах, а тут все отворачиваются от него – и жена, и бывшая любовница и настоящая. Может, всему виной ретроградный Меркурий?

ISBN 978-5-04-118756-9

© Крамер М., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марина Крамер, Ольга Пряникова

Ретроградный Меркурий

Глава 1

Говорят, именно в это время – в начале мая – в Северном Ледовитом океане вскрываются льды, высвобождая огромные массы холодного воздуха. Именно в эти дни цветет черемуха и, по приметам, холодает. Воздух из Арктики приходит всегда. Но Катя не всегда чувствовала его так остро. Она сама казалась себе Снежной Королевой, в сердце которой застряли льдинки, и некому их растопить. Жизнь словно остановилась на этой холодной злой ноте, ни о чем больше не думалось, как только – о них.

Ночами вместе с холодным воздухом приходили ужасные сны – в них Катя видела то, что увидела у Сони дома, точнее, что осталось за кадром, но легко было додумать. Она и додумывала.

Пойти с этим всем было не к кому, один только Антон оставался преданным слушателем. Он по-прежнему подрабатывал съемкой обучающих фильмов для своих психологов, у которых учился, но диалоги с ним отсутствовали, скорее, это были диалоги с камерой.

Катя, как все эти годы, садилась на высокий стул посреди большой холодной студии и говорила все, что в голову взбредет.

– Знаешь, я заметила, что совершенно перестала смотреть комедии.

– Не отвлекайся. Скажи, как тебя зовут.

– Я серьезно, совсем.

– Ты и раньше их не смотрела.

– Да, я вообще не люблю кино. Особенно теперь.

– Расскажи, что произошло. Только сначала скажи, как тебя зовут, и смотри в камеру, хорошо?

– Ты знаешь, как меня зовут! – Катя разозлилась, прыгнула с высокого табурета и пошла к выходу, на ходу надевая куртку.

– Старуха, ты не меняешься.

– Старухи уже не меняются, Антон.

– Ну что, что ты завелась-то? Я привык, что на позитиве ты не приходишь, но сегодня что-то особенное.

– Не получается, извини. Дай зажигалку. Отвыкла я, понимаешь? Как такое можно говорить на камеру?

– Я не психоаналитик, – он пожал плечами, – это же обучающий фильм для студентов. Ты же не в первый раз. У нас все по одной схеме, иначе это не возьмут. Я снимаю то, за что мне платят, это методика, они по ней учатся, станут психологами.

– Я в курсе.

– Пойдем просто выпьем тогда. Без камеры. Или еще попробуем? Ты же мне так хорошо все рассказала по телефону, а тут вдруг сорвалась.

– Мне раньше это помогало, Антош. А теперь перестало. Видимо, я все-таки меняюсь.

– Ну что ты загоняешься, сказала бы, что мужик твой тебе изменил. Рассказала бы, что чувствуешь, туда-сюда. Подружка увела мужика, тысячи баб ежедневно переживают что-то подобное, чем ты лучше?

– Я сейчас дам тебе по морде.

– За что, интересно?

– Ты все упрощаешь. Это даже не измена, это... Они просто за моей спиной. Все это время. Я ей плакалась, все рассказывала, она гладила меня по голове, утешала, а потом вышла и шла к нему. Или он стоял внизу у подъезда и ждал, когда я выйду, чтобы к ней подняться.

– Очень красиво смотрится, – Антон задумчиво выпустил колечки дыма в потолок, – снять бы такое. Но это чисто игровой фильм.

Катя поморщилась.

– А что в таких случаях советуют делать психологи?

– Не загоняться они советуют. Жить полной жизнью, в бассейн записаться, мужика нового завести.

– Как красиво ты куришь. И как отвратительно разговариваешь...

– Это не я, это ж психологи, – он противно засмеялся, широко раскрывая рот, – я тебе совсем другое бы посоветовал.

– Интересно, что же?

– Ты девка горячая. Не успокойсь, пока не отомстишь. Найми там кого-нибудь, пусть кости ему переломают.

– Ага. И сразу полегчает.

– Зря ты смеешься, полегчает.

– Я лучше найду настоящего психоаналитика. А кости переломаю тебе.

– Найди. Только психоаналитики – штука опасная, ты это учти.

– Чем же?

– Ну, как... Ты ему о себе – все. Он тебе о себе – ничего. Он у тебя – один-единственный, а ты у него – восьмая с утра. Он для тебя – облегчение, разгрузка, а ты для него – работа, рутина, объект наблюдения. Он домой приходит и жене со смехом рассказывает, как ты сегодня...

– Все, прекрати. Проводи меня до машины, а то фонарь во дворе не горит.

– Темного двора боишься, ты-то? Боишься кого-нибудь замочить в терапевтических целях? – Антон опять заржал.

– Я тебе позвоню. Может быть.

– Дай сигаретку напоследок, а то я допоздна тут без курева. – Антон обчистил ее на полпачки и, видимо, чувствуя себя виноватым, добавил: – А психотерапевта я тебе найду, я ж для института делаю программы, спрошу ребят... порекомендуют... Но ты, слышишь, сбрось пар, не оставляй этого так. Ты же женщина кавказская, должно полегчать.

– Я позвоню тебе.

«Кавказская? Что он может знать? Это просто предположение?»

Светофоры выкатывали ей навстречу зеленые горошины, но раздражение не унималось.

Дома она сразу же бросилась к тому единственному собеседнику, который уже много лет помогал ей разобраться со своими мыслями.

«Дорогой дневник! Надеюсь, у тебя все хорошо, потому что ты никого не любишь. Кроме, разумеется, меня. У тебя на душе спокойно, а душа у тебя точно есть, и эта душа – моя. Я часто задумываюсь о том, какую огромную часть себя человек отдает, фиксируя свои мысли на бумаге, невольно создавая новые образы, другую реальность. Даже устная речь иногда создает что-то, существующее физически отдельно от нас. Да, произнесенное слово имеет энергию.»

Какая чушь. Как ужасно разговаривает Антон. Может, я, правда – кавказская женщина? Что же, проверим.»

На следующий день она уже заняла свой первый наблюдательный пост – напротив Сонинского подъезда. У Митино дома сидеть было бесполезно – там ведь жена, не приведет же он туда любовницу.

Да и сколько времени уже потрачено на его окна! Все лавочки, бордюры и кусты в его дворе были Кате родными. И вот – она снова у подъезда, снова караулит его.

Сколько прошло времени? Четыре года? Да, уже почти четыре... А воз и ныне там, только поменялся подъезд.

Как раз с подъездом-то она и ошиблась – за трое суток почти непрерывного дежурства никто из них не появился.

Значит, уехали снимать. Значит, она рядом с ним.

Катя бесконечно прокручивала в голове болезненные сцены, представляя их вместе за завтраком, на работе, на прогулке... Как они держатся за руки.

Это была почему-то приятная боль. Ей казалось, что они должны быть страшно счастливы, особенно Соня. Каждый день быть с ним рядом, заботиться о нем, разговаривать с ним, знать, что вечером ляжете в одну постель – это ли не счастье?

Соня как раз так не считала. Точнее, это счастье ее изрядно измотало. Разговоры постоянно перерастали в ссоры на производственной почве, а до постели надо было еще дойти. Физически дойти. Если Митя в постели почему-то вдруг оказывался трезв, то моментально засыпал от усталости и нервного напряжения.

Соня тоже валилась с ног уже к обеду, поэтому они никогда даже не говорили о личных отношениях. Трудно было вообще сказать, почему они считались любовниками.

Знали, конечно, все – съемочная группа жила в другой гостинице, где был и Сонин номер. Но все знали, где ее искать, если она понадобится.

Разумеется, это никого не удивляло, съемочный процесс требовал вдохновения.

С этим вдохновением как раз обстояло труднее всего.

Соня и работала вдохновением – остальные специальности она пока освоила не так хорошо.

Еще работая над сценарием, Митя не позволял главному герою ни одной реплики без оглядки на Соню. Постоянно возникали вопросы о смысле каждого поступка, о смысле этой истории в целом. И Соня, не смущаясь даже редким присутствием живого автора сценария, объясняла им обоим – кто такой главный герой, «для чего он у нас именно такой», что будет дальше и чем сердце успокоится.

Иногда она просила время на раздумье. Но уже через несколько часов Митя звонил ей из дома и полузадушенным голосом, боясь разбудить Машу, спрашивал тревожно: «Ну?» И Соня выдавала очередную концепцию, новый поворот, лихо закрученную сюжетную линию. Митя тихо стонал от восторга, тут же требовал: «Напиши!» Автору сценария это почему-то не доверялось. Соня писала.

Разумеется, это был ее первый сценарий, но со своей задачей она справлялась отлично, поэтому список задач постоянно рос и ширился.

Никто в съемочной группе не догадывался, что это ее первый фильм, что раньше она даже не интересовалась кино, да и не мечтала, если говорить совсем уж откровенно.

Спортсмену обычно не до реализации своих творческих способностей, поэтому для нее самой стало открытием это «киноразвлечение», как она любила говорить.

Неожиданно для нее самой стало интересно, Митя многому ее учил, показывал все то, что можно сделать в кино руками и головой. Но вот то, что делается, как говорится, святым духом, было ему недоступно.

Оба они молчали об этом, пока Митя держался на ногах. И только в беспамятстве, в тщетных попытках поставить этого алкаша на ноги, вытаскивая его за шиворот из алкогольной

лужи, Соня орала, как базарная баба: «Своолааачь! Бездарь несчастный! Феллини недоделанный!»

Митя поначалу агрессивно сопротивлялся, но слово «бездарь» сразу успокаивало, он безвольно повисал на ее шее, шлепался на пол, как неуклюжий кот, и принимался рыдать.

Словом, это были бурные ночи, весьма бурные.

Ничего такого Катя себе не представляла.

Наоборот, ей мерещились идиллические картинки, отзвывающиеся в сердце сладкой болью жалости к себе. Она не могла отвлечься, подумать о чем-то другом.

Расхожую фразу о том, что месть – это блюдо, которое едят холодным, она во внимание не принимала. Нужно было выпустить пар. Но не на кого – голубки явно пропали. Несколько взломов их почты конкретной информации не дали. Нужен был кто-то из съемочной группы, но никого из них, очевидно, в Москве тоже не было. Значит, кто-то из актеров, кого Митя время от времени снимал. Были у него свои любимцы.

Превозмогая отвращение, она просмотрела за вечер всю его фильмографию – по списку актеров, конечно. И на одной фамилии она задержалась, понимая, что попала в яблочко. Лучшего сообщника все равно было не найти.

Поздним вечером того же дня она настойчиво позвонила в знакомую дверь.

Открыла сама Анна – перепуганная чьим-то поздним визитом. Видимо, она уже спала, но Анна побежала открывать поскорее, пока звонок не разбудил детей.

Увидев Катю, она сразу почему-топустила ее в квартиру, стараясь вспомнить, где видела эту девушку.

– Добрый вечер.

– Да, здравствуйте, – Анна засеменила за ней в комнату, – а вы, простите, кто?

Катя резко развернулась к ней лицом. На него падал яркий свет от лампы сбоку.

Анна тупо смотрела на это лицо, так и не улавливая сходства. Ей достаточно было бы перевести взгляд на портрет матери или просто на зеркало в прихожей, чтобы понять...

А гостя тем временем явно знала расположение вещей в квартире, была здесь не впервые. Она уверенно прошла в дальний угол, плотно закрыла дверь в детскую и села за овальный стол в центре комнаты.

Внутри она колебалась – никак не могла выбрать правильную тактику. С одной стороны, лучше аккуратно выведать, прикинувшись веником, с другой – раз уж явилась среди ночи, надо говорить все.

– Я – Катя, – ничего умнее она не придумала, – а выпить у тебя есть?

Такая наглость, да еще и приправленная панибратским «ты» от этой девчонки, навела Анну на мысль о том, что происходит, пожалуй, что-то исключительное. Либо она сумасшедшая, либо...

– Катя... Хорошо... Что-то случилось?

– Да. Что-то случилось. Я сейчас расскажу, ты налей мне пока, что есть поближе, чтобы на кухню не ходить.

Анна, как зомби, открыла скрипучую дверцу антикварного буфета.

Она помнила и ненавидела этот буфет с детства, как и комод в прихожей, но это был «чиппендейл», чье имя казалось ей в детстве очень смешным, а отец всегда накрывал комод скатертью, когда в дом заходили посторонние – почтальоны, водопроводчики. Даже нового участкового врача однажды не впускал, пока не замаскировал это чудовище на ножках.

«Восемнадцатый век, доченька, такое не во всех музеях найдешь», – говорил он Анне, оправдывая свое странное поведение. Боялся, что увидят, поймут, наведут грабителей на квартиру.

Да, она хорошо помнила выражение его лица, как он говорил это...

Анна налила из графина коньяк в рюмку и обернулась на Катю.

Лицо отца снова возникло перед ней, но уже словно в женском обличье. Ей даже показалось, что свет стал гаснуть, пришлось опереться спиной о ненавистный буфет.

– Пейте.

Девушка, так похожая на отца, поманила ее к себе изящным движением тонких пальцев. Как официантку.

Анна подошла как во сне. Поставила рюмку на стол и села напротив.

– Так с кем случилось?

– С Дмитрием Мальцевым.

– С кем?

Это было столь мягкое продолжение кошмара, что Анна даже не поняла, о ком идет речь.

А гостья вздохнула, повертела рюмку в руках и придвинула ее Анне обратно.

– С Дмитрием Мальцевым, – повторила она устало.

Ей уже надоела эта тупая гусыня, собственная мать. И вся затея померкла, разочаровала, показалась тусклой и ненужной.

Не утруждая себя объяснениями, Катя молча встала и направилась к двери.

– Я не поняла – с Митей? А что с ним?

– Ничего страшного, жив-здоров и даже счастлив. Я просто хотела узнать, где он.

– У меня узнать? А при чем тут я? – ошалело переспросила Анна, совершенно уже ничего не понимая.

– Ну, ты же знаешь, где он. Или узнаешь, если захочешь. В конце концов, ты могла бы мне помочь.

– Да с какой стати вы врываетесь сюда ночью? – Анна почувствовала, что просыпается и снова обретает власть над собственным рассудком, – кто вы и почему вы решили, что я буду вам в чем-то помогать?

Катя развернулась уже в куртке. Похлопала в задумчивости рукой по дверному проему.

– Могла бы и помочь раз в жизни, раз уж ты моя мать...

Свет окончательно померк у Анны в глазах. Единственным ярким пятном в комнате светился материнский портрет рядом с проклятым буфетом.

«Надо выкинуть или продать всю эту музейную рухлядь», – в который раз подумала она, хватаясь за эти последние обломки разумных мыслей.

Это лицо на портрете, как и лицо девушки в дверном проеме, не оставляло никаких шансов.

Она сразу все поняла, все вспомнила, кожей почувствовала, что эти слова – чистая правда.

«Инфаркт», – догадалась Анна, шаря рукой по столу.

В руку удачно попала рюмка с коньяком.

Коньяк помог, судорога отпустила на волю сжавшееся сердце, комната снова вернулась на место.

На соседнем стуле сидела Катя с озабоченным лицом.

– У тебя слабое сердце? Ты хоть скажи, мне важно понимать свою паршивую наследственность. Мне со слабым сердцем до твоего возраста не дотянуть.

Анна попробовала что-то сказать, но звук не шел. Она глотала воздух, пока Катя не налила вторую рюмку.

– Да пей же ты, пей, не трясись руками, больше прольешь... Вот так...

– Ядд... Ядд...

– Господи, зачем я только сюда пришла... Что же все нервные-то такие, дохлые. Какой яд, а?

– Ядддумала... Я думала... Мне сказали, что... это был мальчик.

Катя улыбнулась.

– Да, это даже оригинально. А ты сама не умела отличать мальчика от девочки?
– Я даже не видела ребенка... Тебя, – и Анна наконец заплакала, – я всегда искала мальчика.

Они просидели до рассвета. Анна совсем пришла в себя, даже сварила кофе. Все, что она узнала в ту ночь от дочери, казалось ей неправдоподобным и невозможным, но совершенно реальным.

Лучшим доказательством было Катино лицо. Лицо, форма рук, шеи, все ее жесты...

Она рассматривала девушку во все глаза, удивляясь новым деталям, ракурсам и позам – Ирина Васильевна, конечно, молодая, живая, нетленная. Еще не испорченная чопорностью, не обремененная семьей, не перекрашенная в блондинку, влюбленная, брошенная, затаившая месть красавица-цыганка. Словно природа, побежденная бабкой, взяла оглушительный реванш, создав это прекрасное дикое существо, которым Ирина Васильевна и должна была стать, но не захотела. Но и что-то еще было в ней знакомое, родное, что шло изнутри, перебивало женское коварство матери и смягчало грубую красоту до нежной прелести. Упрятанная глубоко, это была, безусловно, слабая ранимая душа великого режиссера, остроумного балагура и нежнейшего отца, по которому Анна тосковала каждый день с самого момента его смерти. Его фотография даже после смерти матери так и хранилась не на виду, а между страниц «Маленького принца», которого Анна читала тогда, в роддоме.

Сейчас она показала эту фотографию Кате, которая, безусловно, и так знала, кто этот человек – его знала вся страна.

– Знаешь, я почему-то всегда считала, что именно он создал твою мать, – Катя вернула фотографию на место и закрыла книгу, – как актрису. Образ, амплуа.

– Неет, что ты. Она никому не позволила бы. Она создала себя сама. Мама была очень сильным и одаренным человеком, просто она себе не нравилась. Всегда не нравилась. Вот всем нравилась, а себе – нет. Так часто бывает. Отец, разумеется, давал ей кое-какие профессиональные советы, как иначе. – Анна задумалась. – Это же надо было, чтобы ты тоже влюбилась в режиссера. Я понимаю – повторить внешность, но повторить судьбу – это пугающе.

– Ой, ладно, скажешь тоже – повторить судьбу. Он-то на меня плевать хотел, – Катя встала, сладко потягиваясь, и подошла к окну.

Уже всю верещали птицы, где-то ритмично скреблась метла дворника – главная примета утра.

– Да ты что, маленькая, не родился еще такой мужчина, чтобы на тебя, как ты говоришь, плевать хотел, ты в зеркало-то посмотри. – Анна фальшиво засмеялась.

Таким способом она пробовала Катину реакцию на слово «маленькая», но актрисой она была плохой, совсем плохой. Замаскировать попытку не удалось. Катя резко обернулась.

– Давай без этого, хорошо? Не надо мне... Игры в дочки-матери... Лучше скажи, кто мой отец.

Анна смутилась.

– Грузин он был.

– Был? Что, умер? Погоди, как это – грузин? Ты не путаешь?

– Он был актер, Катя. – Анна назвала фамилию.

Катя присвистнула, вернулась и села рядом с матерью, ошеломленно ее разглядывая.

– Но погоди... Да он тебя лет на тридцать был старше. Если я не путаю.

– Ну... Поменьше. Но прилично.

– И как же вы?! Нет, стоп, не надо. Я не буду задавать тебе банальных вопросов вроде того, любила ли ты его, знал ли он обо мне.

– Катя, даже я о тебе не знала, зачем было говорить ему? Мама сказала, что тебя усыновили, что ребенок попал в хорошую семью. Она настояла. Я что могла...

Катя молчала. Не укоряла, не спорила, ни в чем не обвиняла – в чем теперь можно было обвинять?

– Мама, значит, настояла... Мда... Нормальная русская баба Ирина, если не ошибаюсь, Васильевна...

– Да какая русская, цыганка она была, чуть ли не из табора. Всю жизнь скрывала, я только от отца узнала, когда ругались, он ее называл «цыганской ведьмой» – она сразу сникала, даже плакала. А ничто другое не могло ее остановить.

– Цыганская ведьма? О как, – Катя удивленно подняла вверх свои черные, с роковым изгибом, совершенно цыганские брови, – может, мне гадать научиться?

– А что ты смеешься, она и язык этот знала. Не знаю уж – какой он там у цыган. Мы дачу снимали в ... нет, не помню, в каком году... Я в школу еще не ходила. Там на площади встретили цыганку. Она стала что-то маме говорить, показывая на меня, что беда будет. Ну, что они обычно говорят. Шла за нами почти до самого дома, все просила мою руку показать, завывала и пугала, что «дочка бедовая», так мама развернулась и так страшно что-то ей сказала на непонятном языке – цыганка в ужасе шарахнулась от нас и убежала, представляешь?

– Представляю. – Катя встала. – Пора мне. Дети скоро встанут. Муж-то твой где?

– Муж в командировках по полгода, он аудитор. А старшие дети у отца в Венгрии, сейчас каникулы. Только Лизка дома, она через полчаса проснется.

Провожая свежееобретенную дочь до двери, Анна все искала какие-то слова, но понимала, что вся ее жалкая чувственность разобьется сейчас о холодный камень. Представляла, как Катя посмотрит на нее презрительным маминым взглядом и скажет: «Ты бездарность», или что-то подобное. Мать часто так говорила. Поэтому лучше было молчать, а еще лучше – сказать что-то будничное, отвлечь себя и Катю от судьбоносности момента, заговорить демонов.

– Так что, тебе нужно просто узнать, в каком они городе?

– Хорошо бы еще кого-то оттуда. Из съемочной группы. Имя, фамилия, контакты и все что сможешь. Вдруг знакомые есть. Я же не смогу все сама, помощник нужен.

– А ты уверена, что это все тебе нужно?

– Так, не начинай! – Катя ухмыльнулась. – Я же кавказская женщина, месть – святое дело. Зарежу – может, полегчает.

– Как – зарежешь? – Анна даже оперлась на комод, накрытый кружевной скатертью.

Чуть не упала, уронила ключи, перчатки, все, что на нем лежало. Кряхтя, стала собирать.

Катя погладила оголившуюся древесину.

– Ого, это что, восемнадцатый век? – Она наклонилась над комодом. – Ох ты... Да это «чиппендейл», мать моя в кедах... Но откуда? Он и в Англии-то не во всех музеях есть... Ну, ты живешь... Шикарно как.

– Ты разбираешься в мебели? – удивилась Анна.

– Что тут разбираться, я же не на облаке живу. Любой поймет, ты посмотри, красота какая. Ты сама купила?

– От родителей досталось. – Анна помрачнела.

– Ладно, я побегу. Телефон я тебе написала на фотографии твоего отца. Там же, в книге.

– Когда? Там же и ручки не было, как ты успела?

Катя подмигнула ей, вышла и нажала кнопку лифта. Наверху сразу зашуршало, и медленно стали опускаться его запутанные серые кишки.

Анна стояла на пороге с лицом робким и слабым.

– Что? – буднично спросила Катя уже из лифта, словно мать сейчас могла бы отдать ей забытые перчатки или настоятельно попросить застегнуть куртку.

– Он же все-таки не только мне отец был, но и дед тебе, Катя.

– Кто? Аа... Да какой он мне, к черту, дед, – и захлопнула дверь.

А перчатки все-таки забыла...

Заметила уже в машине, когда схватилась за холодный руль.

Календарная весна была в разгаре, но ночью еще подмораживало, а машина стояла здесь много часов.

Возвращаться не хотелось, тем более, что припарковалась она в двух кварталах от дома, ну что за ерунда – перчатки.

Однако что-то заставило ее вылезти из машины и пойти обратно. Во дворе она оседлала какого-то уродца, призванного воспитывать у детей чувства прекрасного. Все раздумывала, заходить или нет. Перчатки были единственные, но пришлось бы снова ее увидеть... А, может, она и хочет ее увидеть, но ищет повод?

Стали появляться первые прохожие, из дома выходили люди, спешили на работу. В подъезд забежала какая-то женщина, Кате даже показалось, что номер квартиры она набрала на домофоне знакомый. Но от подъезда до детской площадки было далеко. Видимо, действительно – подсознание тянуло подняться и увидеть снова, что-то сказать, услышать в ответ нормальные человеческие слова, а не рассказ о генеалогическом древе. Может быть, даже обнять. Может быть...

Ах, сколько же ей еще сидеть в бесконечных чужих дворах, карауля, высматривая, пытаясь стать своей совершенно, в сущности, посторонним людям! Почему такой тяжелый поиск своей судьбы, почему всегда одна, всем чужая, никому не нужная...

Когда к дому подъехало такси, Катя опомнилась. Начинались пробки, нужно было что-то решать.

Она уже встала и уже двинулась со двора прочь, когда увидела Анну. Это она вызывала такси. В чем-то нелепом абрикосовом, наверхенном поверх пальто. И дорожная сумка в руках.

«Как странно... Она ведь ни словом не обмолвилась, что уезжает. Да и как там дочка останется одна, она же маленькая?»

Через пять минут Катя снова жала ту же самую кнопку звонка.

Повернулся ключ, и в проеме двери нарисовалась чужая пожилая женщина, совершенно никакого отношения к этой семье не имеющая – это была явно няня, та самая няня, которая минут десять назад прошмыгнула мимо нее в подъезд.

Она выжидательно смотрела на Катю, но тут из комнат выбежала маленькая девочка. Обняв нянины колени, она смущенно поздоровалась.

– Здравствуй, – Катя невольно улыбнулась, – как спалось, Лиза?

Лиза тут же уткнулась в нянину юбку.

– Там Аня... Она внизу в такси, попросила книгу забрать. Сказала, в самолете читает. Мы вместе с ней едем.

– Какую книгу? – Няня сразу заглотила наживку. – Где взять?

– Там на столе. «Маленький принц» называется.

– Сейчас принесу. Ой, Лиза, отпусти, я же упаду.

Катя сразу присела на корточки, поманила Лизу к себе.

– Куда мама уехала, сказала?

– Нет, не сказала.

Вернулась няня, протянула книгу.

– Только не понимаю, почему в самолете, она же на поезде поехала. Какой самолет, в Ярославль-то.

– Ну, это я оговорилась, – Катя быстро раскрыла книгу на нужной странице – фотография была на месте, – поездом. Само собой.

– А вы тоже туда, да?

– Конечно.

– Вы тоже актриса? Лицо-то знакомое, – заискивающе улыбнулась няня.

– А вы не узнали? Обидно.

– Да узнала я, узнала. Счастливого вам пути, чтобы все было хорошо. Пойдем, Лизок. Да! Дмитрию Юричу привет передавайте, скажите, в следующий раз напеку пирожков его любимых, сейчас-то некогда было, я ж не знала.

Катя даже не успела поменять выражение лица.

– Передам, если увижу. Неужели вы и с ним знакомы?

– А то как же, он у нас бывает, да. Очень жареные любит пирожки-то. Я ему всегда говорю – нельзя вам с вашей язвой, Дмитрий Юрич, давайте я вам печеных сделаю. Куда там, разве ж послушает! Ну, ангела вам на дорогу!

Лифт почему-то не ехал. Да, конечно, надо же нажать кнопку.

Катя вышла, пытаясь вспомнить, зима на улице или все-таки лето. Ни то, ни другое. Яркое солнце, холод, ветер. Знакомый уродец во дворе, обшарпанный сталинский дом. Машина стояла за поворотом.

– Беерга, – ласково погладила Катя пыльную крышу, – Берточка... Ты одна у меня осталась. Не продам тебя, старушка. Всюду обман. Нас предали, Берта, нас снова предали. Зачем нужна мать, если она такая?

Катя расплакалась прямо тут, на холоде, привалившись к грязной машине, как в прежние времена рыцарь мог бы обнять своего коня – единственную родную душу.

В Ярославле Анну никто, разумеется, не ждал. Дмитрий Юрьевич, язвенник и любитель жареных пирожков, с пяти утра бегал по окрестностям в сопровождении оператора Валторны, коммерческого директора татарина Равиля и главного художника, который, точнее, которая была уже третьей с начала фильма.

Соня стояла у машины с его косухой в руках, готовая в любой момент броситься к маэстро – подать, поднести, посоветовать, капать корвалол, искать врача или срочно вносить правки в сценарий. Она выглядела измученной, но так здесь выглядели все – никто не наносил макияж, все напяливали с утра то, что было под рукой, а волосы женщины перевязывали резинками – вот и вся прическа.

К полудню отчаянно захотелось есть.

Соня, борясь с усталостью, забралась на холм и решила побеспокоить честную компанию.

– Мить, надень, – потыкала она в режиссера его же курткой, – надень, ветер-то какой. Тебе только заболеть не хватало.

Он, не отвлекаясь от разговора с Валторной, взял куртку в руки, но дальше не шевельнулся.

– Надень, – продолжила она канючить, – четырнадцать градусов, свитер у тебя тонкий. Валторна замолчал. Митя не повернулся.

– Хорошо, не надевай. Только я ухожу, а ты будешь болеть один. Лечить тебя никто не будет, решать твои проблемы тоже будет некому. Равиль, дай ключи от машины.

– А мы на чем вернемся?

– А вы не вернетесь, вы все здесь сдохнете. – Соня развернулась и стала быстро спускаться.

Митя уже семенил следом.

– Что ты заводишься, видишь, мы же работаем. Ну, Сонечка...

– Я устала. Тебе надо есть. И мне надо есть.

– Хорошо, сейчас поедим, ты права. И мне надо собрать всех посоветаться.

– Что-то случилось?

– Нам надо отснять за три дня восемь сцен. Все, что должно быть на улице, все эпизоды.

– Почему за три дня?

– Потом листья распустятся. Это же видно будет в кадре.

– Так можно же сперва снять то, что идет в начале, а потом пусть они и в фильме распускаются, там тоже может быть весна.

– Нет, так нельзя. Мы по порядку не можем, всех актеров здесь неделю держать не будешь, денег-то на это нет. Надо все за три дня. Те, кто занят у нас в первых сценах, еще не приехали, поэтому другого выхода нет.

Соня помолчала. Ее давно перестали удивлять непродуманность и нелогичность съемочного процесса.

Митя все время повторял, что все – живые люди, обстоятельств много, денег мало, поэтому задача режиссера – подстраиваться и решать проблемы, а не творчеством заниматься. Он так, впрочем, и делал.

Сзади посигналила машина – ребята возвращались в гостиницу, все, видимо, устали, недоспали.

Уже втискиваясь на заднее сиденье, Соня догадалась спросить:

– А почему ты решил, что листья распустятся через три дня? Именно через три?

– Так биолог же был, помнишь, приехал проконсультировать. Почки смотрел, ножом их резал. Говорит, при такой погоде – три дня.

Соню с Митей завезли в гостиницу первых.

Анна догнала их в полутемном коридоре, схватила Митю за рукав. Соня не слышала их разговор, оставаться ей показалось неловким, да и страшно хотелось пить, а в номере была вода.

Митя не вернулся. Через полчаса она нашла его в холле, он сидел с Анной в углу, на Митю страшно было смотреть – плечи опущены, сторбившийся маленький старичок.

Есть он не пошел. Работать тоже.

После обеда она не выдержала, открыла своим ключом. Митя лежал на кровати, свернувшись калачиком, в куртке и ботинках. На стуле рядом с ним стояла начатая бутылка портвейна.

Соня задохнулась от ужаса:

– Ты с ума сошел! Там ребята тебя разыскивают, время же идет, а ты тут разлегся! Ты можешь хотя бы три дня не пить, мы же и так ничего не успеем!

– Она придет меня убивать. Она меня уже ищет.

– Кто, Анна? – тупо переспросила Соня.

– Не Анна. Дочь ее.

Повисла пауза. Если бы речь шла о ком-нибудь другом, Соня не восприняла всерьез эти слова – устроила скандал, выволокла бы этого недоделанного гения на площадку и заставила работать. Но речь шла именно о Кате, поэтому работа на время отошла на второй план.

Соня присела на край кровати. Митино лицо под очками было мокрым.

– Ты что, Митька, ну что такое... – Она сняла очки, хотела встать за салфетками, но он схватил ее за руки, ткнулся в них губами и, сотрясаясь всем телом, разревелся по-настоящему.

– Митечка...

Она осторожно высвободила одну руку, погладила его по остаткам волос, по рукаву куртки.

Постепенно он успокоился. Икая, пересказал ей все, что услышал только что от Анны.

Соня молчала, даже не искала слова утешения. Ей самой было страшно, да и не осталось никаких сил.

«Бросить бы все это к чертям собачьим», – мелькнула мысль.

Постепенно он затих и заснул.

Она тихо встала, забрала бутылку и вышла из комнаты, заперев дверь.

Телефон сразу зазвонил, как подкараулил.

«Интересно, откуда она звонит... Может, уже здесь», – мелькнула мысль.

– Да.

- Что за манера у тебя стала отвечать таким коротким и сухим приветствием?
- Катя, чего ты добиваешься? – Соня обреченно вздохнула.
- Я добиваюсь, чтобы вы сдохли. Кажется, это было бы логично, правда?
- Ты очень нелепо выглядишь в этой ситуации. Я не враг тебе, и Митя не враг.
- А тебе? Друг, как я понимаю? И довольно близкий, правда?
- Мне он начальник. Я такая же вышедшая в тираж спортсменка, как и ты. Только у меня нет своего бизнеса. Мне надо как-то устраиваться в жизни, чтобы себя прокормить.
- Бизнеса у меня тоже больше нет. А у тебя есть родители, дорогая. Как они относятся к тому, что ты спишь с начальником?
- Ты прекрасно знаешь, сколько моим родителям лет. И мне нужно им помогать. Удивительно, что ты меня не понимаешь. Он не принадлежит никому из нас, он вообще принадлежит своей жене.
- Это поправимо. Спасибо за отличную идею. – Катя злорадно рассмеялась.
- Ну что тебе надо от меня?
- Во-первых, чтобы ты не сравнивала меня с собой... Я у тебя мужчину не крала.
- Да? Правда? – Соня начала выходить из себя. – А как тогда вышло с Георгием, ты не помнишь? Не крала? Может, ты его у меня купила? Только я не помню, чтобы ты заплатила мне за него деньги. А я, между прочим, собиралась за него замуж. И была бы мужней женой. И не приходилось бы мне... Ничего бы мне не приходилось.
- Ты мне мстишь? – Голос у Кати стал совсем другим.
- Соня сразу это почувствовала.
- Катька, хватит душить. Я тогда тебе ни слова не сказала.
- Это другое. У тебя еще будет муж. А я всегда одна, ты у меня последнее отняла! – Катя шмыгнула носом.
- «Сейчас начнет рыдать, надо скорее заканчивать».
- Какой пошлый бабский разговор. Я вешаю трубку, меня работа ждет.
- Скажи мне сама, в каком вы городе?
- В Магадане, Катя. Чтобы тебе потом два раза туда-сюда не кататься. Давай приезжай, убивай нас. Отбудешь маленько и еще успеешь пожить.
- Ты еще и врешь.
- А ты унижалась перед своей мамашей, чтобы выведать адресок?
- Почему – унижалась? Я просто попросила ее мне помочь.
- И она с радостью согласилась?
- Раз я знаю, в каком вы городе, значит – да.
- Она была здесь. Сегодня была, недавно уехала, если вообще уехала. Все подробно рассказала Мите.
- Да она просто сволочь.
- Да она просто спит с ним, Катя, раскрой глаза. И он ей дороже, чем ты. Всем кто-нибудь дороже, поверь. А ты продолжай сидеть у него во дворе, следить, найми детектива, кстати – у меня есть отличный парень для этой цели. Его визитка в правом ящике стола – ты взломай мою квартиру, заодно польешь цветочки... – Катя уже бросила трубку.
- «Ну, заслужила. Шапито».
- Соня и сама не поняла, на кого обиделась, но ночевать уехала к себе в гостиницу. Не было сил терпеть этот перегар, слезы, нервные крики и бесконечные разговоры о том, как именно Катя станет убивать известного российского режиссера Дмитрия Мальцева.
- За день ничего не сделали, все ждали маэстро, а маэстро, кажется, ждал конца света.
- Он не спал – прислушивался, ворочался, пытался вспомнить, где находится. Иногда по привычке звал Соню. Потом Машу. Никто не приходил.

Ночью пошел дождь. Катя вошла вся мокрая, взбешенная, готовая немедленно действовать. Никакого плана у нее не было, она даже не знала номера комнаты.

Ее свободно впустили в холл, никто ни о чем не спрашивал, и она сочла разумным не привлекать к себе дополнительное внимание.

Гостиница оказалась маленькой, с улицы она внимательно рассмотрела все окна. Искала плотно зашторенное – Митя мог спать только в абсолютной темноте. Но в этот раз таких окон было много, зато внизу на ресепшен сидела вполне добрая и словоохотливая женщина.

Как Катя и ожидала, в номере было совершенно темно. Пахло перегаром – ну а чем еще пахнуть, фиалками?

Митя всегда храпел, когда лежал на спине.

Она присела рядом на край кровати, пытаясь разглядеть в темноте его лицо.

Посветила телефоном. Митя перестал храпеть.

Во сне он выглядел беззащитным и очень ничтожным. Кате сразу стало его жалко, раздражение улеглось. На площадке он был суперменом, властелином вселенной, богом. Все трепетали, боялись, заглядывали в глаза в надежде угодить. И творил, как творит бог. Одним движением ладони он создавал другую реальность, оживлял буквы на бумаге, персонажи жили и дышали, влюблялись, менялся свет, звучала музыка, сердце наполнялось счастьем или болью – это зависело от того, чего хотел он. А здесь в постели лежал совсем уже немолодой маленький мужичок, почти старичок, по-боксерски прикрывая кулачками лицо.

Катя осторожно потрогала его руку, обняла ее своей ладонью. Митя словно бы и не дышал.

Экран телефона погас.

– Милый мой, любимый мой... Никуда от меня не денешься. Будешь моим. Или ничьим не будешь, запомни. Сдохнешь как собака.

Встала и вышла.

Утром Митя не явился вовремя. Обычно даже алкоголь не мешал его маниакальной пунктуальности – он был одержим работой и всегда являлся вовремя.

Съемочная группа выстроилась как на плацу, медленно просыпаясь.

В экспедиции опоздание режиссера на смену означало чрезвычайное происшествие и вызывало в народе ужас и немедленные пересуды.

Все с ожиданием смотрели на Соню, которая и без этого чувствовала себя неуютно. Надо было за ним идти.

В холле ее подозвала к себе администратор. Типичная добродушная тетка.

Она доверительным тоном рассказала Соне о вчерашней визитерше. И описала ее внешне, хотя Соня и без описания сразу поняла, кто это был.

– Полицию вызывали?

– Кто?

– Вы. Была полиция?

– Что вы, Сонечка, какая полиция, девушка же к нему пришла, говорит, сюрприз хочу устроить. И вас как раз не было, я думала – смена караула, знаете, как по молодости-то оно бывает. Я ж тоже была... Понимаете? А тут вы идете, я и решила сказать. Но она быстро ушла, кажется.

– А он?

– Он так и не выходил.

– Вызывайте полицию. И «Скорую»! – Соня уже почти бежала по коридору.

Мити в комнате не оказалось. В ванной тоже никого не было.

Соня искала следы крови, борьбы, даже выглянула в окно. Несколько раз позвала его, как зовут спрятавшегося кота.

С тихим скрипом открылась дверь маленького шкафа для одежды. Митя сидел там, завернутый в одеяло. Совершенно живой, но в страшной панике.

Не без труда Соне удалось вытащить его на свет божий. Взгляд у него был совершенно безумный.

– Ну, не дрожи, не дрожи... Сядь.

– Она... Здесь была она. Ночью.

– Кто она? Корвалол сейчас накапаю.

– Кто она... Ты знаешь, кто – она!

– На, пей. Я тебя прошу, возьми себя в руки. Люди ждут, вчера день пропал. Тебя оштрафуют, в конце концов, съемочный день стоит миллион! Что ты устраиваешь из-за девчонки? Привиделось тебе что-то спьяну, так это и понятно.

– Нет-нет, я тебя клянусь, я не спал! Она была!

– И что она сделала, что так тебя напугало? – Соня накапала корвалол и себе.

– Она сидела на кровати и шептала... Знаешь, что-то страшное. Я очень ее боюсь. Она убьет меня.

– Митя, она не убьет, она убила бы, если бы хотела. Она просто хотела тебя напугать. Ты мужик, ты ее в два раза старше, как ты можешь так реагировать?!

– Да она специально это делает, потому что знает, что я боюсь.

Вошла маленькая кудрявая женщина, имени которой Соня до сих пор не могла запомнить, – она была вторым режиссером, но, судя по всему, попала на эту работу случайно.

– Я стучу-стучу, вы не открываете, – обиженно сказала она.

– У нас совещание.

– Там полиция приехала.

– Скажи, что у нас все нормально, вызов ложный, испугались попусту. Скажи, что это ты вызвала, потому что шеф не отвечал на позывные, ты подумала, что его убили, вызвала полицию и «Скорую». Подпиши что-нибудь.

– А почему я-то?

– Ну должна же ты тоже что-нибудь делать, ты же тоже получаешь тут зарплату! – Соня привычно завелась. – Ладно, ты не умеешь снимать фильмы, ты не читала сценарий, но хоть чем-то помочь ты можешь?

Кудрявая голова скрылась за дверью.

Митя все еще дрожал.

– Ты вызвала полицию?

– А кто ж еще?! Кроме продюсера и меня, ты тут никому не нужен.

– Значит, она действительно здесь была?

– Была... Мне эта тетка сказала. Ну, коридорная или как там это называется... Дежурная, одним словом. Была, да. Ты уже боишься называть ее по имени. А зря – она всего лишь человек. Катя успокоится, поверь, нужно время. Она впечатлительная, а на нее столько всего свалилось. Анна эта еще... Зачем она приехала, что за дура такая! Но меня еще больше поражает, как ты мог с ней спать, зная, чья она мать. Ничего же не бывает тайного!

– В кино так бывает. Само собой. И очень часто.

– Я думала, ты не спишь с актрисами.

– Она не актриса.

– А кто же она? Просто женщина? Может, любимая женщина?

– Что ты несешь? Да, просто женщина.

– Что я несусь? А зачем же ты с ней спишь? Может, из жалости?

– Да, из жалости! Из жалости. Я снимаю ее из жалости. Потому что кто еще будет ее снимать? Она не Софи Лорен!

– Ну да, зато ты Феллини...

Митя замолчал. Если бы он мог ее ударить, то сделал бы это именно сейчас. Но он не мог. Потому что он знал – она найдет слова, которые ударят его сильнее.

Наконец сел – ноги не держали его.

– У нас с ней много общего. Мы оба – осознанные бездарности, закомплексованные. Нам вместе почти хорошо. Главное – не страшно. Мы друг друга не боимся. Она видит, что я – ничтожество. И я вижу ее слабости. Я не могу с сильными женщинами. Очень трудно – с Машей, с Катей. С тобой. А с ней легко, она не посмеет сказать мне, что я много пью, что я что-то не так делаю. Она уважает меня. И приехала, чтобы предупредить. Испугалась, что Катя меня убьет.

– Она за нее испугалась, не за тебя, идиот.

– Что-то она раньше за нее не боялась... Хотя я неправ, неправ, несправедлив к Ане... Поверь, она очень переживает. Она искала, всю жизнь искала, но мальчика, представляешь? Не девочку. Ее обманули. Ей было пятнадцать лет. Она была под влиянием матери. Ты хотя бы представляешь, кто ее мать была? А от кого она родила – ты знаешь?

Тут же, сидя на подоконнике, Митя коротко и сбивчиво пересказал Соне всю историю Анны – все, что сам недавно от нее узнал.

Соня ни разу не прервала его, слушала внимательно.

– Ты представляешь, какая это гремучая смесь кровей?

– Представляю. – Митя понурился, совсем сгорбил.

Он понимал, чем все это ему грозит.

– Она не оставит нас в покое.

– Не оставит. Что, нам уехать?

Соня пожала плечами.

– Мы же не досняли здесь. Давай еще недельку, а? Ну нельзя взять и найти новое место, всех вот так разом перевезти и сразу начать снимать. Мы потеряем время.

Митя смотрел на нее в упор.

– Я боюсь.

– Дурачок, – Соня подошла и обняла его, как ребенка, – я тебя никому не дам в обиду.

– Давай уедем в Москву, Сонечка, я прошу тебя. Там мы что-нибудь решим.

– Да ты тюфяк и рохля, Мальцев! Тоже мне – Роман Полански... Ты должен думать о фильме, а не о бабах, иначе в твоей фильмографии навсегда останется как в бане – одно мыло и пар. Ну, не плачь, что ты, маленький, что ты... Не обижайся, Митенька. Соберись.

И он собрался. Все-таки он был настоящим профессионалом. Вытер сопли, распрямился и вышел на площадку.

Там он никогда ничего не боялся, работал так, словно отчаялся, словно понял, что конец неминуем. Даже шутил.

День выдался неудачный, начался дождь, пришлось срочно перекраивать весь план. Отсняли всего ничего, но для Сони важен был другой результат – Митя успокоился. Точнее, он просто начал работать.

Перерыв между запоями должен быть долгим, это она уже знала по опыту. Натура вся давно была найдена, все учтено и продумано.

«Успеем, успеем, никто кроме погоды и Кати нам помешать не сможет», – убеждала она себя.

Утром она проснулась немного позже обычного – сказался вчерашний стресс.

Быть психологом – вообще утомительно, отнимает много энергии. Подумалось, что хорошо бы найти настоящего психотерапевта.

Мити уже не было, судя по всему, он ушел на площадку выбритым и дезодорированным – очень хороший знак.

Опаздывать было все-таки нельзя, поэтому Соня поспешила за ним.

Первое, что она увидела, выйдя во двор, – прелестная зеленая дымка на деревьях. Даже уже не дымка, а вполне полноценные маленькие листочки. Так часто бывает весной – деревья вдруг распускаются в один миг.

Обычно это вызывает радость в душе, но в то утро Соня ужаснулась – по сценарию листьев быть никак не могло.

В сильной тревоге она забралась на холм и застала всю съемочную группу за странным занятием – они, как осы, ползали по деревьям, срезая листья ножницами.

Молоденькая ассистентка была ближе всех. Она обернулась, приветственно кивнула и продолжила срезать ножом распутившиеся почки с ветки какого-то сорного кустарника, как картошку чистила.

Митю Соня нашла довольно высоко среди свежей листвы. Он обрадовался, что-то прокричал.

– Я не слышу!

– Ножик возьми внизу, в пакете!

– Ах, ножик...

– До обеда надо успеть, видишь, мы уже десять деревьев ободрали, давай присоединяйся!

Работа кипела. Борьба с природой, погодой и прочими катаклизмами была, в сущности, нормальной частью съемочного процесса.

Глава 2

Георгий заметил ее первым. Что-то в Соне сильно изменилось – то ли походка, то ли что-то во взгляде. Уставшая, какая-то озлобленная, резкая.

Она сидела в двух метрах от него в кафе и очень нервно разговаривала по телефону. Про какие-то машины.

Сидела к нему боком, но не замечала. Или делала вид, что не замечала...

Расстались-то они не очень хорошо, вероятно, он обманул какие-то ее надежды, влюбившись без памяти в эту девочку, в Катю, которая продавала свое ателье.

Лучше бы он его купил, все равно этот роман ничем хорошим не закончился.

Ах, да что теперь вспоминать!

Третья чашка кофе подряд, а она все не видит. Звонит и звонит. Раньше Соня никогда не кричала, ни с кем так не разговаривала.

Дождавшись паузы, он тихонько ее позвал.

Девушка сразу обернулась, не потрудившись даже изобразить удивление. Ведь не сложно, кажется, было бы привести некоторые мышцы лица в соответствие с ситуацией. Хотя бы из вежливости, чтобы не показывать свое безразличие так явно.

– Здравствуй, Георгий.

Или не видела... Или ей совсем уж наплевать.

– Я смотрю, ты вся в делах? Интересная работа? Что-то связанное с ретро-автомобилями, агентство?

– Да, не без этого.

– Я краем уха услышал, ты ищешь «Опель Кадет»? Я не подслушиваю, ты же понимаешь, просто рядом сижу. А ты стала так громко разговаривать. Может, я пересяду? – Георгий сделал еще одну попытку.

Она как-то неопределенно дернула плечом – не то согласна, не то, чтобы отстал.

Уже коря себя за нелепую настойчивость, он сел за ее столик.

– Что, трудно найти? А зачем тебе эта машина?

– Кино снимаем, – устало проговорила она.

– Кино? Ты снимаешь кино?

– В классическом понимании кино снимает оператор, остальные просто принимают участие в этом процессе. Здесь нельзя курить, да?

– Теперь нигде нельзя. С каких пор ты стала курить?

– А ты всему удивляешься?

Георгий смутился. Надо было как-то красиво выйти из этого разговора, Соня явно не была расположена к праздной беседе. Впрочем, был у него еще один козырь в рукаве, о котором он размышлял еще до того, как начал этот разговор.

– У меня есть «Опель Олимпия». Это очень похожая модель, насколько я понимаю, даже более редкая. Впрочем, я не коллекционер, не разбираюсь. Мне эту машину отдали за долги, стоит в гараже, иногда хвастаюсь перед гостями.

– Зря, мог бы договориться с каким-нибудь агентством, они бы сдавали ее в аренду на мероприятия. Все же деньги.

– Да я не нуждаюсь, – улыбнулся он, – какие там деньги.

– Ах да, я забыла.

Ничего она не забыла, разумеется. И сразу оживилась, как только разговор перешел в деловое русло.

Георгий все наблюдал за ней, удивляясь произошедшим переменам. Кажется, ничто кроме работы ее не интересовало. А ведь пару лет назад, закончив со спортом, она даже не представляла, чем ей заняться.

– Так в каком же качестве ты увлеклась кино, расскажешь мне?

– В качестве рабочей лошади – это универсальная роль для всех, кто увлекается кино.

– Ты – режиссер?

Она невесело засмеялась.

– Нет, я редактор. Редактор сценария.

– А почему же ты занимаешься машинами? Разве это твоя обязанность? – Георгий искренне изумился. – Я совсем иначе представлял себе съемочный процесс.

– Да, вижу, ты весь в иллюзиях. Если интересна реальность – приглашаю в гости, правда, мы в Ярославле. Заодно и о машине договоримся. А лучше бы сразу туда ее и перегнать, если договоримся. Сколько ты хочешь?

– А на какой срок она нужна?

«Ага, не нуждается. Говорил, это не деньги. В гараже она у него место простаивает».

– Два дня плюс дорога. Она в Москве, не в Израиле, я надеюсь?

– В Москве, конечно, я потому и имел смелость предложить. – Георгий немножко помолчал, обдумывая следующий шаг. – Дорогая, если эта машина нужна именно тебе, то я, само собой, денег не возьму, ты же понимаешь. И с удовольствием приеду к тебе в гости.

– К нам в гости, Георгий. К нам.

Это звучало двусмысленно. Но отчасти объясняло такие резкие перемены характера.

– Хорошо. К вам.

Она немножко оттаяла. Посмотрела на него уже другим, прежним взглядом.

– Насчет денег надо будет решать не со мной. Есть бюджет, есть коммерческий директор – они заплатят. И я не курю, просто неделя нервная, пробую так снять стресс.

С машины и начались настоящие неприятности.

Позднее, возвращаясь мыслями к этому дню, Соня постоянно оправдывала себя, говорила, что машина могла быть любой – это ничего бы не изменило. И на месте Георгия мог оказаться любой человек – просто пришло время. Но обо всем по порядку.

О том, что машина принадлежит Георгию, Митя ничего не знал. И незачем было сейчас нагружать его лишней информацией – навряд ли они могли забыть друг друга, все-таки давние соперники.

Соня решила, что разумнее будет промолчать.

«Потом скажу, – успокоила она себя, – когда Георгий приедет, и деваться будет некуда».

Другого варианта все равно не было, весна – время свадеб, все машины были расписаны на месяц вперед.

О том, какая реакция может быть у Георгия, Соня не задумывалась – это просто не имело значения. Он был во всем другим, этот Георгий, человеком слова, выдержки, хладнокровия.

И приехал вовремя, как обещал. Машину пригнал молодой человек с яркой красивой наружностью.

Мите он понравился, оставили парня водителем в кадре, даже успели вечером порепетировать. Георгия он и не видел – Соня постаралась отложить эту встречу.

А рано утром произошел взрыв. Точнее, услышали только громкий хлопок, но какая-то горничная утверждала, что видела и сам момент взрыва – к счастью, издали, когда только шла на работу.

Машина так и оставалась во дворе, решили на ночь ее не убирать, просто накрыли чехлом. Смена начиналась в восемь утра, планировали отснять как раз все эпизоды с машиной, поэтому отгонять ее было нецелесообразно.

Страшно было представить, что было бы, если бы, например, та же горничная пришла на работу на пару минут раньше.

Соня выскочила первой, услышав крики о пожаре.

Машина действительно здорово горела, пожарных уже вызвали. Съёмочная группа еще не явилась, вокруг толпились местные жители.

Митя вышел на ватных ногах, шатаясь так, как он не шатался даже пьяный.

– Это она.

– Что – она?

– Ну, она.

– Господи, Митя, опять ты за свое. Сейчас приедут, разберутся.

– Мы до вечера не доживем. Она задалась целью уничтожить меня. Сначала свести с ума, а потом уничтожить.

– Прекрати, параноик, я не могу больше это слушать. По-твоему выходит, что она нам и погоду испортила?

– Конечно! Ты напрасно ее недооцениваешь. – Митя выглядел вполне серьезным.

Надо было его куда-то увести, пока не явился Георгий. Но Митя уперся, лег на лавочку и принялся громко оплакивать свою судьбу.

Машину потушили, приехала полиция, начала отгеснять любопытных.

– Митенька, пойдем, без тебя разберутся. Приедут сейчас наши, найдут владельца машины, а я займусь поиском новой – снимать-то все равно придется, времени на разговоры просто нет.

– Да она не даст нам здесь снимать! Она вообще не даст мне ни снимать, ни жить!

В разгар его истерики приехали киношники и, разумеется, Георгий.

Полиция опрашивала свидетелей, поэтому уйти было невозможно. Предстоял самый ужасный «момент истины», и крайней была, разумеется, Соня.

Георгий поначалу успокаивал ее – кто же знал, что так будет, машина застрахована, не о чем переживать. Но, увидев режиссера, изменился в лице и попросил объяснений.

– Но ты же сам, сам предложил! Я тебе все честно рассказала, где работаю, что делаю. Ничего я не скрывала!

– Как только ты могла меня снова с ним столкнуть?! Взяла бы машину, и все, зачем было звать меня сюда? – возмутился Георгий, багровея от злости. – Ты не просто меня использовала, ты еще и захотела надо мной поиздеваться!

Очухался Митя, подошел, слегка пихнул Георгия в грудь.

– Хватит на нее орать, – взял Соню за руку и потянул за собой, – пойдем-ка, поговорим, моя дорогая.

Георгий несколько секунд ошарашенно смотрел на них, потом прокричал вдогонку:

– Я так понял, что ты еще и спишь с ним? За похлебку?

Ему сразу же стало стыдно за свои слова, вообще-то он был человеком сдержанным.

Митя дернулся вернуться, но Соня удержала его – вся съёмочная группа, полицейские и просто зеваки давно и с любопытством наблюдали за этой сценой.

Но в номере Митя дал себе волю:

– Как ты могла предать меня, ты что, не понимаешь? Он же ненавидит меня. Скажи честно, ты это все специально подстроила? Тебе мало неприятностей? Он же с ней заодно, этот Георгий, как ты не понимаешь?! Или понимаешь?

– Он не знал даже, что ты здесь, – Соня чувствовала, что теряет лицо, но продолжала оправдываться, – нам же нужна была машина, он готов был бесплатно дать, у нас же денег не осталось, мы еще ничего не сняли толком, а уже половину бюджета съели, у нас две войны в сценарии!

Но Митя не слушал. Он вообще никого не слушал в подобных ситуациях. Он кричал, заводился, кажется, даже не заметил, как Соня вышла.

С Георгием они помирились быстро – он нашел ее плачущей на бревнах у реки, извинился, молча посидел рядом.

Сквозь слезы Соня и ему пыталась что-то объяснить:

– Вы оба думаете только о своих амбициях, вам кажется, что весь свет сошелся клином на Кате, на каких-то там кознях, а это не так, не так. – Она все еще всхлипывала, но постепенно успокаивалась. – Я же просто думаю о фильме, он его сам не снимет, ты бы видел, что он снимал раньше, это же уму непостижимо...

– Я видел, видел... Я тогда еще посмотрел. Да, ужасно. Сонечка, не плачь, милая, ну, прости меня. Я все понимаю. – Он робко обнял ее за плечи.

Там же, на бревнах, она сбивчиво рассказала Георгию обо всем, что произошло после ее отъезда из Израиля.

Георгий слушал, понимал отдельные слова, но поверить в реальность происходящего не мог.

«Ничего, – думал он, – вот уж в прямом и в переносном смысле слова – «кино и немцы». Но чем этот сморчок может всех их так привлекать? Впрочем, – решил Георгий, – режиссер, наверное, обладает какой-то властью, по-своему привлекателен, женщины любят такое... творческое».

Еще он наблюдал за тем, как возвращалась на его глазах прежняя, знакомая ему Соня. Это было приятно и удивительно – как же он мог столько времени жить и не видеть ее...

В то, что это сделала Катя, он поверил сразу. И видел, что Соня тоже это понимает, но вслух не говорит, чтобы не добивать маниакального и истеричного режиссера.

Катиного номера у него уже давно не было, пришлось подсматривать в Сонином телефоне.

Она ничего не заподозрила – срочные поиски другой машины, перекраивание всего графика, да еще и Митя в невменяемом состоянии.

Георгий с любопытством наблюдал за их отношениями и формулу этой взаимной привязанности понял сразу.

Когда номер наконец был найден, он позвонил Кате.

– Скажи, Катерина, зачем ты это сделала? Могли погибнуть люди.

Она молчала на том конце провода. Может, не сразу узнала голос. Или сомневалась в чем-то.

Он снова ее немножко подтолкнул:

– Машина была моя.

Этот ход сработал, Катя засопела.

– Здравствуй, Георгий. Прости меня. Я не знала, честное слово. Но как там могла оказаться твоя машина, почему?

– Я не сомневаюсь, что ты не знала. Зачем ты это сделала, Катерина?

– По телефону все не расскажешь.

– Так давай встретимся.

– А ты где? Ты не в Израиле?

– Я на съемочной площадке.

– Прямо на самой площадке? – Катя явно удивилась.

– Возле гостиницы, где живет Мальцев.

– Поднимайся на последний этаж. Сейчас. Я тебя у лифта встречу.

Не то чтобы Георгий сильно удивился – он все-таки знал Катю хорошо. Но не ожидал, что она может все время находиться рядом.

«Да, а этот параноик-то не такой уж и параноик», – подумал он про Митю, пока лифт медленно ехал вверх.

Она сидела на перилах, как маленькая птичка на жердочке. Внизу был огромный лестничный пролет, настоящая пропасть, этажей шесть, но она всегда любила высоту. Как и птичка, держалась только ногами, а руки были заняты неработающей зажигалкой.

Георгий молча достал свою, она сладко затянулась.

– Тут же нельзя курить, наверное. Хотя да, какое тебе до этого дело. – Он засмеялся.

– Пойдем, кое-что покажу.

Катя быстро полезла по пожарной лестнице вверх, ловко щелкнула замком люка, и сверху полоснуло ярким солнечным светом. Она протянула ему руку, и он почувствовал себя старым, толстым и трусливым. Что страшного в том, чтобы нарушить какие-то правила и залезть на крышу? На скольких крышах он побывал в молодости, что теперь-то изменилось?

Вид на съёмочную площадку открывался роскошный. Тут у Кати стоял старый стул и прижился театральный бинокль. Валялись и пластиковые стаканчики.

– Наблюдательный пункт? – засмеялся он. – А ведь я так и думал, что он от тебя сбежит. Правда, не думал, что к ней. Она-то поумнее тебя будет.

Катя удивленно на него посмотрела:

– Ты про Соньку?

– Про Соньку.

– Значит, уже знаешь?

– А он сразу за нее драться полез, какие уж тут секреты.

– Драться? – Катины изогнутые брови полезли вверх.

– Я немного высказал ей за машину. Он и влез.

Пораженная, она села на стул, сторбилась и выразительно замолчала.

«Бедная, бедная девочка, она совсем потерялась, сошла с ума. И из-за кого! С ее-то данными!»

– Катерина, – он неловко дотронулся до ее плеча, но вдруг вспомнил, как обнимал вчера Соню, и одернул руку, – чего ты пытаешься добиться?

– Справедливости. Мне больно из-за них. Пусть им будет больно из-за меня.

Больше они к этой теме не возвращались.

Через полчаса Георгий, опасливо нащупывая ступеньки, спустился обратно к лифту.

Катя осталась на крыше.

«Дорогой дневник! Как это здорово, что ты меня понимаешь. Большие не понимают никто.

Может, Георгий прав, я совершаю какую-то ошибку? Может, мои поступки глупы? Но они оба делают то, что хотят, не оглядываясь на то, как это выглядит со стороны, так почему же я должна?

Я тоже делаю, что хочу. И буду делать. Никто меня не остановит. Люди могут понять чужую боль только тогда, когда сами через нее пройдут. Наша жизнь состоит из череды вызовов – больших и не очень, либо мы сами бросаем их себе, либо за нас это делают другие.

Трудно понять, что это за любовь такая эгоистичная, когда я делаю любимому больно. Но я не психоаналитик, мне ни к чему эти размышления. Да, я эгоистка, я не желаю ему счастья с другой, я хочу, чтобы он был моим, со мной, чтобы он был рядом.

Это не любовь? Пусть. Мне не жалко назвать это любым словом – от «страсти» до «ненависти», сути это не меняет.

Я борюсь за него? Я мишу за нанесенную обиду? Мной управляет задетое самолюбие? А пусть. Какая, в сущности, разница? Меня давно уже не огорчает собственное равнодушие

к чьему-либо мнению, к любому взгляду на меня со стороны. Да и не только на меня. Это называется «отсутствие авторитетов».

Я бы выразилась иначе – самопринятие. Я знаю, какая я, знаю, что не изменюсь, поэтому не мучаю себя бесплодными попытками, укорами и критикой.

В основе каждого человека лежит какая-то черта характера, темперамента, травма, запавшая в душу на всю жизнь. У меня это — страсть. Таких людей много среди обывателей, такими были почти все великие, например, Ван Гог. Он, как и я, никому не был нужен, его поступки осуждали, в его искренность не верили, а талант не ценили. Я разве что рисую похуже и пью поменьше, в остальном же он – мой кармический близнец. Жаль только, у меня нет брата, как у него, который содержал бы меня.

Впрочем, на случай такой необходимости, кажется, есть Георгий. Он – единственный человек, который любит меня без малейшей потребности во взаимности, именно поэтому он не пытается смотреть на меня по-мужски, приспособить меня к какой-нибудь там супружеской жизни. Его любовь – абсолютна и бескорытна.

Бедняжка Соня, она поймет это слишком поздно и никогда не смирится, поэтому ей явно предстоит пережить всю гамму эмоций, которая прилагается к такой ситуации, – надежду, подозрение, разочарование, обиду. Ничего, пусть – так ей будет легче понять и принять мои чувства и мою боль.

Я почему-то не верю, что это у меня когда-нибудь пройдет – моя буйная помешанность на Мите. Не представляю себе того времени, когда он станет мне безразличен. Так и вижу – кто-то мне рассказывает о нем, а я морщусь и прерываю собеседника: «Нет, не хочу ничего о нем знать, ну его...» Нет, нет, не вижу, это не я. Это, бесспорно, болезнь, и я не перестану думать о том, что многие болезни переходят в хроническую форму и неизлечимы. А некоторые просто убивают».

Георгий ждал Соню в холле, но, как ни старался, упустил.

Уже после полуночи, выяснив на ресепшен, в каком номере проживает Дмитрий Мальцев, он, проклиная себя за то, что ввязался в чужие игры, постучался в дверь.

Как он и ожидал, ему открыла Соня. У окна стоял Митя, завернутый в одеяло, и курил в щелку.

– Кто там?? – проорал он, близоруко прищуриваясь.

– Я на минуту! – Она вышла, поплотнее запахивая розовый халат.

– Отойдем. – Георгий взял ее за локоть.

– Я не могу, я не одета.

– Да я вижу, ты не смущайся, на два метра отойдем. Ваши ведь в другой гостинице живут.

– Так положено, иначе режиссеру просто продохнуть не дадут, ты же сам видишь, что тут происходит.

– Да, я вижу. Я вижу даже больше, чем ты думаешь. Послушай меня, девочка, – тебе надо немедленно возвращаться в Москву. Одевайся, я отвезу тебя.

– То есть... как?

– Обыкновенно, на машине, другого способа сейчас нет.

Соня выждала паузу, пытаясь понять.

– Ты разговаривал с Катей? Видел ее? – Георгий молча кивнул.

– Она не остановится, да? Но как же я могу здесь все бросить, как же я Митю оставлю одного? А остальные как? Они же не снимут без нас, мы ничего не успели толком сделать!

– Так забирай своего гения, только никому не звоните, пока не уедем, не предупреждайте.

– Но мы должны сделать распоряжения... Он должен.

– Отъедем километров на пятьдесят – позвонит и сделает. Раньше нельзя. У нее в группе есть кто-то свой.

– Но кто?

– Я не знаю. Это сейчас неважно, надо скорее уехать отсюда.

Соня смотрела куда-то за его спину. Там стоял Митя. Уже одетый.

– Соня, он прав. Эта психопатка нас всех здесь убьет. Иди немедленно собирайся.

В машине ехали молча.

Соня почему-то дулась сильнее всех. Ей было обидно, что все снова валится набок, что эта безумная девка снова вмешивается в работу из-за какой-то паршивой ревности.

«Ишь, одиноко ей, – думала Соня с раздражением, – разве мне не одиноко? Разве мне не хочется быть любимой? Разве я – не одна? Нельзя же сказать, что я – с ним», – она брезгливо повернула голову в Митину сторону.

Он сидел, понурившись, время от времени принимался нервно грызть ногти, и тогда Соня злобно шлепала его по руке, вроде как одергивала – было стыдно перед Георгием.

«Нет, ему никто не нужен, и я – в том числе. И к лучшему. Мне тоже очень хочется счастья, я тоже смотрю голодными глазами в ночную темноту, мы все, все заслужили счастья, но не имеем его. Почему же тогда я не взрываю машины, не взламываю двери, никому не угрожаю и никого не преследую? Не мщу, не требую к себе повышенного внимания? Когда уже она поймет – мужчина не сделает тебя счастливой, пока ты сама не наполнишься чем-то, пока ты не научишься быть счастливой без него – такой вот парадокс. Она обязательно это поймет, надеюсь, мы все к тому моменту будем еще живы».

Уже потом, спустя несколько дней, Митя сам удивлялся своей решимости. Вспоминал ту ночь, какую-то проселочную дорогу, Георгия, который отъезжал от гостиницы с выключенными фарами, Соню, которая, казалось, больше беспокоилась о фильме, чем о собственной жизни. Не ощущала опасности, сразу же начала звонить каким-то девочкам из группы, давать указания.

Любопытно, что ее слушались – а ведь она была всего лишь ассистентом. То ли статус любовницы режиссера так действовал, то ли прирожденные ее организаторские способности. Она выглядела строгой – чересчур строгой и очень недовольной.

Уже на шоссе в свете встречных машин он то и дело бросал взгляд на ее резкий профиль.

Нет, не милашка. Страшно рядом с такой. Именно поэтому он охотно позволил оставить себя одного на этой заброшенной даче. Собственно, никакой заброшенной она не была, вполне ухоженный дом, хотя и старый. Актерский поселок, от Москвы почти сто километров, но электрички ходят – можно выбраться, если что.

Поначалу он и не понял даже, куда приехал, не слышал, кому Соня дозванивалась, с кем говорила. Лег спать под утро, успокоенный тем, что никакая Катя его здесь не найдет.

Проснулся поздно, долго соображал – где он, где Сонька.

Деревянный дом, все старомодно и добротное, белоснежное белье, на котором он, оказывается, спал в одежде.

Первым делом Митя нашел в рюкзаке зарядку от телефона, поставил его подкормить, а сам отправился исследовать свое новое пристанище.

По первым же фотографиям, которых на стенах было в изобилии, он понял, что это дача Анны, ее родителей. И, судя по всему, спал он на кровати ее великого отца.

Это приятно волновало. И кабинет его сохранился в целости.

Митя не мог оторваться от старых фотографий, записок, воспоминаний своего гениального коллеги. Многое казалось ему остроумным, восхищало, открывало совершенно новые факты о съемках самых известных фильмов.

Митя даже представил его здесь, в этом кресле, с печатной машинкой. Наверняка сюда приезжали сценаристы, сидели, курили, открывали вот эту самую форточку – великие люди касались ее руками.

Митя перегнулся через стол, открыл окно. В комнате сразу посвежело.

Удивительно, но здесь, на севере Подмосковья, было гораздо холоднее. Мало того, что не распустились деревья, так в низинах еще лежал серыми корками снег, а с теневой стороны дома висело несколько самых настоящих сосулек.

Митя бродил по большому запущенному участку, ощущая что-то новое для себя, покой, которого он давно не испытывал. Умилялся каждой малости, даже, опасливо озираясь, выглянул за скрипучую калитку.

На улице, как и ночью, когда они приехали, было безлюдно и тихо, только птицы звенели, перекрикивая далекий гул поезда. От ветра покачивались прошлогодние сухие листья, застрявшие в щели старого металлического почтового ящика. День был не то что солнечный, радостный – нет, скорее, спокойный, с несколькими светящимися прорехами в светло-сером небе.

В холодильнике нашлись продукты, купленные, видимо, вчера по дороге.

Он удивился, что не вспомнил об этом раньше, пожарил себе холостяцкую яичницу и, наслаждаясь одиночеством, еще погулял до темноты. Потом достал ноутбук и, чувствуя мощный прилив вдохновения, упал в работу, как падают в обморок, – не оглядываясь, не отвлекаясь, не слыша телефонных звонков.

Когда он не ответил на четвертый подряд, Соня встревожилась. Она весь день организовывала переговоры с продюсером, объясняла, руководила переездом, а внести изменения в сценарий должен был Митя – так договорились.

Лев Кириллович был зол как тысяча чертей, требовал немедленно «предъявить этого труса и алкоголика, который прячется за бабскую юбку», но Соня слезно пообещала, что в Москве они все нагонят.

В ближайшем пригороде нашли отличный старый особняк, в котором когда-то находилась знаменитая клиника профессора Стравинского, воспетая Булгаковым. Подходило идеально, добраться от города можно было за час, значит – никаких экспедиций.

Все более-менее складывалось, но Митя не отвечал.

Соня нервничала и проклинала себя за легкомыслие, обратиться же за помощью было не к кому – Георгий в эти дни был очень занят. На его плечи была возложена великая миссия по спасению человечества от Кати.

Исполнив свой конспиративно-водительский долг и пересадив, как он выразился, «светило отечественного кинематографа с няней» в такси, он развернулся и погнал назад, в Ярославль. К счастью, успел до рассвета, даже его парковочное место было свободно.

Выйдя из машины, оглядел ее, поискал следы недавнего бегства и, не найдя, удовлетворенно подумал, что вот он, пожилой деловой человек, ввязался в какие-то смешные игры киношной богемы, творческих людей и психопатов. Добровольно и всерьез. И теперь ему предстояло отловить нервную, очень опасную девочку и каким-то образом ее обезвредить, как обезвреживают бомбу с часовым механизмом: нужно перерезать один из десяти проводков, попытка всего одна, и время на исходе.

Соня все это отлично понимала, поэтому решила Георгия не отвлекать.

После некоторых колебаний сочла возможным рассказать обо всем Митиной жене. В конце концов, она не чужой ему человек.

К счастью, Маша оказалась в Москве. Она стоически спокойно выслушала сбивчивый Сонин рассказ, перебивая только там, где Соня и сама сбивалась с логики повествования. Про Катю она многое знала, но не могла представить, что мужу может грозить реальная опасность.

Когда Соня закончила, она спросила только адрес дачи, куда нужно было ехать.

– Адрес я тебе так не могу сказать, она же может нас прослушивать.

– Кто? – не поняла Маша.

– Катя. Но в Митином присутствии ты ее по имени не называй, он боится. Лучше о ней вообще не говорить. И сразу позвони мне, сразу же, как увидишь, что он жив и здоров, только сначала обойди дом, убедись, что ее там нет.

– Сонь... Ты не преувеличиваешь?

– Ты меня знаешь, я не склонна раздувать из мухи слона.

– Он там что, пил?

– Пил – это не то слово. Но я его не виню. Наоборот, я виню себя, как я могла бросить больного человека одного в чужом доме, в такой опасности...

– Какого больного человека? – ахнула Маша.

– Мужа твоего! Он совсем не в себе, ты сразу поймешь, ты сколько его не видела-то?

Маше стало страшно.

«Опасность... бред какой-то, какая опасность? Здоровый мужик прячется от девочки по чужим дачам? Ясно, что он допился до белой горячки, но Сонька-то не пьет!»

– Как узнать адрес? Ты пришлешь его зашифрованной телеграммой со своим агентом?

Соня помолчала. Обиделась. Поняла, что зря позвонила, зря рассказала все так эмоционально – не сможет ее понять эта глупая баба, которая живет рядом с Митей годами и ничего не замечает.

Сухо произнесла:

– Напротив офиса Льва Кирилловича есть «Шоколадница», ты ее должна знать. Приезжай и посиди там, у нас сейчас совещание, я постараюсь выскочить к тебе на минуту. Адрес скажу, а ты запомнишь, не записывай никуда.

И повесила трубку.

«Бред какой-то, – подумала Маша еще раз. Набрала телефон мужа – он был включен, но не отвечал, – а ведь он инженер по первому образованию, мог бы сейчас сидеть в конторе. И бабы не бегали бы за ним толпами по всей стране... Права моя мать была, ох, права...» – и пошла одеваться – времени оставалось в обрез.

Митя совсем не ждал жену. Он никого не ждал и надеялся на то, что о нем вообще на какое-то время все забудут. Все его мысли сейчас, как и почти всегда, занимала работа.

Он перекраивал сценарий, как старую юбку, из которой нужно было сшить ребенку школьную курточку. Ночами до самого рассвета сидел за ноутбуком, курил, почти не ел, бесконечно пил кофе.

Разумеется, он не мог забыть о Кате. Она каждый день писала ему на электронную почту письма очень разного содержания – он всегда читал их, но никогда не отвечал.

В них она требовала внимания, встреч, то шантажировала и угрожала, то вдруг начинала просить прощения.

Первое время он верил ей, но быстро убеждался, что это лишь очередная попытка манипулирования. В конце концов он просто заблокировал ее адрес, хотя и понимал, что это может вызвать очень неприятные последствия. Проще говоря, она может явиться сама, даже на эту дачу.

Нет, Митя совсем не ощущал себя в безопасности, поэтому придумал несколько хитроумных ловушек – натягивал веревочки, ставил бутылки на дверные ручки, чтобы при попытке открыть дверь они упали и звоном разбитого стекла предупредили его о вторжении. Рано утром он выходил на улицу и долго изучал двор – искал новые следы, изменение в расположении предметов. Телефон он просто отключил, чтобы Катя не смогла его найти с помощью какого-нибудь современного технического устройства. О том, что его могут искать и другие люди, он думать давно перестал, его сознание настроилось на иную частоту.

Машу он в первые минуты просто не узнал. У нее, конечно, был ключ, иначе она не смогла бы войти. Сначала она долго звонила в звонок, но муж не открывал. В сильной тревоге она отперла калитку, затем дверь дома.

Митя слышал звонок, слышал звон разбитой бутылки – он следил за происходящим из окна второго этажа с той минуты, как подъехала машина.

Маша привезла пакет с продуктами, сигареты, лекарства, водку и Митиного взрослого сына Никиту. Она была готова к тому, что Митю придется нести, поэтому мужчина был необходим.

Оба они – жена и сын – были потрясены увиденным. Мало того, что Митя не сразу их узнал, он еще и некоторое время прятался на чердаке, потом разбил маленькое окошко мансарды и вылез на крышу, откуда не смог слезть самостоятельно.

Только к вечеру Маше удалось его уложить на диван, напоить валерьянкой и успокоить.

Он дремал, поминутно просыпаясь и озираясь вокруг налитыми кровью глазами, Никита гладил его по заросшему густой серой щетиной лицу и успокаивал, как ребенка. Маша же спешно собирала вещи. Она быстро оглядела дом, собрала мусор, опытным взглядом оценила количество сигаретных бычков, пару раз наткнулась на натянутые веревки и битое стекло. Нашла Митины разбитые очки, выключенный телефон, ноутбук. Сложила его постель, решив забрать белье в город и там постирать. Под подушкой обнаружилась вилка, и Маша с ужасом догадалась, что это было оружие для возможной самообороны.

Уже загрузив вещи в машину, вспомнила об обещанном Соне звонке. И только тогда поняла, что все это правда – Митя, кажется, сходил с ума.

О госпитализации всерьез никто и не думал – вторым режиссером была совершенно неопытная девочка, она не могла полноценно заменить Митю ни на одном этапе работы. Останавливать съемки – тем более невозможно. Соня формально числилась ассистентом и руководить ничем просто не имела права. Кроме того, она и так была загружена разнообразными делами.

Дома Митя довольно быстро пришел в себя – жена взяла две недели отпуска за свой счет и не оставляла его одного ни на минуту. Соня тоже не оставляла его без внимания – звонила каждый день: отчитывалась, советовалась, обсуждала новые правки к сценарию. Позвонила и Анна – Митя робко, оглядываясь на жену, поблагодарил ее за предоставленное убежище, пообещал привезти назад белье.

По его виноватому голосу Маша все поняла и поморщилась. Но не выяснять же с ним сейчас отношения... И срочно нужен был врач.

Маша обзвонила всех знакомых и нашла, наконец, по цепочке психотерапевта с хорошими рекомендациями. Денег на это не было, и Маша решила продать машину, не сообщая об этом мужу.

Чтобы скрыть это обстоятельство, она не стала сама возить его к врачу, а договорилась с Соней, та приезжала за ним на такси – она тоже была заинтересована в скорейшем выздоровлении шефа. Да и переживала, похоже, искренне.

Ее единственную Маша не подозревала в романтических отношениях с мужем, наоборот – была благодарна за помощь и преданность.

Маша считала себя тонким психологом и ни минуты не сомневалась, что Соня в Митю не влюблена – скорее, она чувствовала ответственность и обращалась с ним с оттенком усталой неприязни.

Сеансы психотерапии Мите помогали плохо, но врач сразу настроил своего пациента на долгую работу. Разумеется, он сразу же начал подбирать Мите медикаментозную терапию, но без понимания проблемы решить ее он не мог.

Ефим Михайлович Эрзин принадлежал к тому типу врачей, которые глубоко «погружались» в своих пациентов, стремились нащупать их болевые точки, понять их. Доля корысти здесь безусловно присутствовала, но обнаружить ее было практически невозможно, поэтому пациенты безгранично доверяли доктору, принимая его научный интерес за человеческое сострадание.

Состраданием Ефим Михайлович никогда не обладал, с юности он никого не любил и любить не желал. Он отлично понимал, что ему и самому не помешал бы хороший доктор, чтобы разобраться в комплексах и проблемах, захвативших с детства его разум так крепко, что до самой старости он не смог с этим разобраться.

В сущности, он был не так уж и стар – пятидесяти шести лет, некрасивый, но яркий и по-своему привлекательный для женщин. Был он с юности страшным бабником, как и его отец, но проблемы из этого не делал, как это свойственно убежденным эгоцентрикам. Часто спал он со своими пациентками, о чем никто из его коллег не догадывался, женат никогда не был, хотя имел несколько внебрачных детей, отношения с которыми поддерживал вяло и нерегулярно.

Вообще, он был человеком вдохновения, его научные интересы исходили из его творческих, а не карьерных потребностей. В каждом пациенте он видел нечто вроде болванки, из которой можно было создать прекрасную и полезную скульптуру. Ему часто удавалось помочь, хотя двигали им любопытство и радость от собственных успехов.

Разумеется, Митя не мог подозревать, к какому необычному и странному доктору он попал.

Впрочем, в кабинете психиатра не думается о чужих странностях – Мите хватало и собственных. У Эрзина он сразу же вызвал живой интерес: пациент был явно охвачен параноидальными мыслями, но без расстройства личности, отвечал на вопросы неохотно и очень сжато, плохо контролировал свои реакции и доверять врачу не спешил.

Опытный Эрзин в первый же день сразу поставил диагноз: «Бабы довели».

Дальнейшие наблюдения только укрепили его подозрения. Митину жену он знал, а в коридоре его ждала совершенно другая женщина – они познакомились после первого же визита. Отношения с ней явно были непростыми, но совершенно очевидными.

Однажды доктор наблюдал их через стекло за их спинами – голубки сидели, тесно прижавшись к друг другу, ожидая Эрзина – он опаздывал.

Митя плакал, неожиданно заплакала и его спутница. Митя вынул из кармана пачку бумажных платков, но она покачала головой и достала свои. Упаковки были совершенно одинаковыми, общались они оба друг с другом какими-то незначительными жестами, что и выдавало их глубокую близость и давний навык понимать друг друга без слов. Кроме того, Митя рассказал, что он режиссер, это сразу многое объяснило.

Эрзин не знал его, но поискал фамилию в Интернете, покачал головой. Пациент был безусловно интересный и перспективный.

Ему удалось быстро подобрать довольно удачную терапию, Митя словно бы поутих, но таблетки глушили его способность к быстрым реакциям на съёмочной площадке, о чем он и поведал доктору при следующей встрече.

Решено было «потерпеть» и добавить гипноз, который Эрзин не любил и практиковал крайне редко. Но Митя упорно молчал, не рассказывая врачу о причинах своих страхов, поэтому гипноз все-таки пришлось пробовать. Кое-что прояснилось, добавила информации и постоянная Митина спутница – Эрзин улучил момент с ней познакомиться и поговорить.

Она была словоохотлива, потому что понимала, как работает схема лечения.

За несколько минут в курилке она бегло обрисовала доктору ту ситуацию, в которой Митя находился последние годы. Катю она обрисовала совершенно сумасшедшей, Митю – бесхребетным, а себя – посторонней на этом празднике жизни.

– Сеть, – сразу определил Эрзин.

– Это такой медицинский термин? – удивилась Соня.

– Нет, это, я бы сказал, мой личный термин.

– А почему не «клетка»?

– Ну какая же это клетка, извините, забыл ваше имя...

– Соня.

– Да, Сонечка. Из клетки всегда есть выход. А из сети – нет. Тот, кто в нее попадает, любым своим движением запутывает ее вокруг себя еще сильнее.

Соня помрачнела.

– Вы рыбак? Так рыбу ловят, да?

Эрзин громко засмеялся, – девушка ему понравилась.

– Так, Сонечка, ловят не только рыбу. Но я не рыбак, я – врач. Я должен эту сеть теперь как-то разрезать и выпустить вашего друга на свободу.

– Он мой шеф, а не друг.

– Надо же, вы актриса?

Митя подошел, не дав им договорить. По их глазам он сразу все понял, скомканно попрощался с доктором и резко потащил Соню за руку к лифтам.

Эрзин ухмыльнулся. Потом, наблюдая за ними из окна, убедился, что ошибки быть не может.

«Хорош психопат, – улыбнулся он себе в пышные усы, – жена, безумная бывшая любовница преследует его, не может отпустить, и совершенно циничная любовница нынешняя, которая еще и работает с ним. Ничего не упустил, молодец мужик. Все друг с другом знакомы, все с ним носятся, по врачам водят за руку, наверняка еще и кофе в постель...»

Эрзин загрустил, вспомнив о своем затяжном одиночестве при вполне сознательной доле холостяка.

Вечером, дома, он не без труда нашел в Интернете Машину фотографию. Соню нарисовал по памяти на пустой стороне собственной визитки. В следующий визит по его просьбе Соня принесла ему фотографию Кати.

Всех трех дам Эрзин разложил на рабочем столе треугольником, а в центр поставил зажималку, которая должна была олицетворять Митю. Кое-кого в этом треугольнике не хватало, но и существующей расстановки сил было достаточно, чтобы представить себе дальнейшее развитие событий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.